

То, что всегда со мной

...Ужасно люблю рассуждать о жизни. Философствовать, слушать... Моей дочке девятнадцать лет. Большинство ее вопросов ко мне — о жизни, о счастье, о любви... А девчонок сколько молоденьких спрашивают о том же! И я люблю с ними общаться. Порой поспорим... Я рада, что могу быть полезной им... Уверена, что залогом счастливой жизни является счастливое детство. Нет, что ты! Не обеспеченное, безоблачное. Счастливого-е! Детство вообще, я уверена, — истинный фундамент нашей жизни. Это то, что держит нас на плаву, то, что не даст сделать неверный шаг, совершить роковую ошибку, помогает выбрать истину из шелухи фальши.

У меня детство прошло в Бугуруслане. Это маленький городок в Оренбургской области, недалеко от Самары. Дедушка мой был священником. Именно в его уютный домик мы, тогда еще совсем маленькие, одноклассники, приезжали на лето на каникулы. Домик его находился на небольшом пригорке неподалеку от кладбища, рядом с церквешкой. На всю жизнь я запомнила эту мою родную тропинку — через кладбище, мимо церкви к дому деда. С той поры кладбище для меня совершенно не страшное место! Наоборот, такое спокойное, дарящее умиротворение...

Детство для меня — все! Беседка, самовар... Из городского сада слышится музыка духового оркестра. Закат солнца, людское тепло, исходящее от моих бабушки и дедушки... Все это меня держит на земле, помогает жить по сей день.

Дедушка мой, кстати, был замечательным человеком. Я же в то время слыла бойкой девчонкой, пионеркой. Что нам внушали, ты, конечно, помнишь? И вот, значит, присядем мы иногда во время грозы к деду и с детской такой ехидцей спрашиваем: «Дедушка, гром гремит! Это что же, и в самом деле Илья-пророк на колеснице скачет?» Ну, издевались так, по-пионерски. А дед у нас был чудеснейшей души человек, он все прекрасно понимал. Спокойно так, по всем законам физики, объяснял, что и почему происходит. А потом интересно-принтересно рассказывал нам легенду про Илью-пророка. И мир для нас, школяров, становился объемнее и глубже!.. Отца Алексея уважал весь город. И ты знаешь, нас, его родственников-малышек, тоже уважали.

Детство всегда со мной: в реальной жизни, на съемочной площадке, на сцене. Не будет детства в моей душе — не будет просто меня. Я родом из детства...

Плачу крайне редко, но если...

...Потом мы переехали в Самару. В школе я не участвовала ни в какой художественной самодеятельности. Честное слово! Никаких сценок, монтажей, концертов. Потому все мои друзья, родители и даже учителя ну просто шокированы были моим решением уехать в Москву и поступать в ГИТИС. Я даже на выпускном бале ведь не была — поджимали сроки сдачи документов в институт. Короче, убила всех наповал. Но решила твердо. Почему? Может быть, потому, что у одной из моих подруг мама была актрисой. И однажды, а мне тогда лет десять было, я попала в театр. Убей, не помню, что там было и к чему. Помню лишь свои непередаваемые впечатления.

Мои друзья и подруги детства меня всячески отговаривали от поступления именно в театральный мол, театр уже отмирает, уступающая место кинематографу. Но...

Приехала я в Москву. Без особого труда нашла здание ГИТИСа. Перед тремя турами вступительных испытаний мы должны были пройти консультационный экзамен, эдакий предварительный отбор. А

я всего три вещи тогда выучила — басню, прозу Пришвина и еще запаслась стихотворением Роберта Рождественского «Карнавал». Выбрала «Лист» Пришвина. А читать его, конечно же, нужно с пафосом, эдак броско, смело. А я... Вышла перед консультантами и пролепетала все в стиле «калина-рога Хазанова». Затем, поняв уже, что потерпела полное фиаско, еще дрожащая, опрометью выскочила из зала, забила где-то под лестницей и разревелась. Я вообще никогда не умела плакать, в том смысле, что, во-первых, обычно сдерживаю себя, а во-вторых, плакать нарочно меня никто не в силах заставить.

И вот сижу я, значит, «в подзелье» и реву белугой. Сама не

В «Доживем до понедельника» я играла школьницу, а потому когда готовился к съемкам фильм «А зори здесь тихие...», то о моей кандидатуре на роль одной из героинь он даже и не думал. И я его понимаю. Ну что там школьница Рита! Девчонка, взбалмошная, себялюбивое существо. А Женя Комелькова!.. О! Эдакая роскошная рыжеволосая красавица, умудренная опытом молодая женщина! Шам! То есть, я и моя будущая героиня были несопоставимы. У Росточкого было свое видение Женя. Я никак не вписывалась в эту роль. Получила сценарий и... отложила в долгий ящик. Тогда я работала в театре юного зрителя в Москве. А после двух неудачных фильмов была разочаро-

Это же в корне неправильно! Игра сложной сцены после беглого ознакомления со сценарием ведет к тому, что начинаешь просто домысливать, играть не того, кто в сценарии, а того человека, которого придумываешь сам. А это профанация. Ведь необходим длительный процесс проникновения в роль. А тут вдруг, хлоп — играй развязку! Росточкий же в тот момент в очередной раз показал, что он умный режиссер.

Итак, я была назначена на роль Женя. И тут же возникла масса вопросов. Во-первых, я не рыжая, «Нет проблем!» — воскликнул гример, и через час мои волосы приобрели цвет спелой моркови. Эт-то было нечто! Труппа, занятая в съемках, ахнула! То, что стояло перед нами, не имело ничего общего с Женей. Вторая попытка «перевоплотить» меня в роскошную златовласку кончилась тем, что из гримерной на съемочную площадку вышла такая... в общем, вполне стервозная дамочка. Послышались мнения, что, может быть, я просто не подхожу по фактуре. Росточкий стоял твердо на своем. Неделю я приходила в себя после всех этих «перевоплощений». В конце концов начались первые съемки, когда в той сцене, где в кадре Женя, появилась... просто я — Ольга Остроумова. Конечно же, я на всю жизнь благодарна Станиславу Носифовичу Росточкому за то, что он отстоял меня.

Снимали мы «Зори» в Карелии. Живописные леса, озера и... болота. То есть то, что нужно было нам по сценарию. И вот здесь мне бы хотелось подчеркнуть одно важное различие между театральной бутафорией и киношной ношей. Боже мой! Ладно шинель в скатке, кирзовые сапоги, портянки, ружье, саперная лопатка... Но нам в рюкзаки еще и кирпичи засовывали, навьючивали чем могли. Это, значит, чтобы мы выглядели усталыми и изможденными. Я, конечно, понимала, что режиссеры хотели «как лучше», но... Когда вообще встать невозможно? А нужно идти, бежать и даже тонуть в болоте... Кошмар!..

Кстати, что касается болота, то был у нас во время съемок курьезный случай.

Эпизод перехода через гать занимает в фильме чуть более пяти минут, но мокли-то мы в болоте в течение месяца по несколько раз в день. Бог мой, как близко к сердцу принимала наши неудобства замечательная костюмер Валентина Федоровна (имя и отчество ее я запомнила на всю жизнь!). И однажды она решила «отомстить» режиссеру, «отыграться» на Лене Драпеко, той, которая должна была тонуть. Она прекрасно знала, что «нырять» Елене придется не раз и не два...

И вот звучит сигнал «Мотор!» Это то же самое, что в детской игре команда «Замри!» Лена, несколько десятков раз попрыгав на месте (для одышки — она же до этого «бежала!»), погруженная по пояс в воду, пугается специально подстроенного с помощью пневматики пузыря болотного газа и шарается в сторону — там за день до этого наши рабочие специально яму вырыли, ну, чтобы было куда «тонуть». Стрекочет камера, а у нас глаза лезут на лоб! Мы не понимаем, что творит Ленка! Ну, какие действия может производить тонущий человек? Дураку ясно — из последних сил цепляться за жизнь. Драпеко же, нелепо барахтаясь, просто ныряла, по несколько раз, набирала в легкие побольше воздуха. Но все ее попытки «утонуть» были безуспешными. Постоянно над желто-зеленоватой гладью болота «светилась» ее попка. Два, три, четыре дубля... «Что ты творишь!» — кричит Росточкий. «Ну не могу, не могу!» — со слезами на глазах отвечает Ленка. А ларчик просто открывался. Наша благодетельница, оказывается, надела на Драпеко легкий водолазный костюм, дабы защитить бедолагу от очередной экзекуции, но во время одевания Лена набрала внутрь костюма столько воздуха, что утонуть она просто физически не могла. Росточкий рвал и метал, мы хохотали, а бедную Лену лишили «спасательного жилета» и бросили в «пучину съемок».

Ольга ОСТРОУМОВА:

„Я родом из детства...“

заметила, как обступили меня девчонки, ребята, студенты-первокурсники. Все успокаивают, подбадривают. И вдруг среди этого шума я слышу голос: «Кончай реветь! Иди на первый тур. Они же тебя наверняка не запомнили!» Боже мой! Где же мне этого человека теперь найти? Хотя всеобщий розыск объявлял...

А что, думаю, может, и в самом деле не запомнили. И пошла готовиться к первому туру. На экзамене я исполнила пушкинское «Мороз и солнце, день чудесный...» Причем так, по-пионерски, совсем по-детски. У меня тогда был такой зазорный голос, типа «травести» (женский голос, дублирующий мальчика. — А. К.). И я победила!

Что касается второго тура, то на этот раз мне нужно было станцевать. Не помню уже, что я там продемонстрировала, но получилось неплохо. В общем, прошла и второй тур. И вот третий... Нужен был опять танец. Ну, я и решила, вдохновенная предыдущими успехами, повторить свой «триумфальный танец».

С тех пор поняла, что нельзя артисту ни в коем случае повторять то, что уже делал. Всегда в таких случаях получается хуже!.. Короче говоря, в самый ответственный момент я грохнулась перед уважаемой комиссией, а когда встала, то на чулках красовались огромные дыры. И все же я поступила, несмотря на заключительный позор...

С тех пор, между прочим, я приняла за правило смотреть на жизнь как на самое прекрасное, что нам подарено природой. Нельзя отчаиваться... Вот, бываю, иду с работы, из театра ли, с «Мосфильма» ли, в руках тяжеленные сумки с продуктами (семью-то кормить нужно!) и вдруг замечаю, что лицо у меня такое скучное, серенькое. «А ну-ка, сделать лицо!» — говорю себе. Смотрю кругом и столько прекрасного вижу, даже улыбка сама собой появляется.

«А зори здесь тихие...»

Так случилось в моей жизни, что первая роль и роль, знаменующая собой эдакий качественный скачок в моем творчестве, были сыграны в фильмах одного и того же кинорежиссера, Станислава Носифовича Росточкого.

вана в кинематографе вообще, считала, что только театр является истинным искусством, а кино — это сплошное производство и монтаж... Но однажды вдруг обратила внимание на своего одноклассника по училищу Андрея Мартынова, который в «Зорях» роль Васкова играл. Ходит он такой смурной, весь в себе, серьезный. Я его спрашиваю: «Андрюш, что случилось-то?» А он отвечает: «Мне предложили замечательную роль. Это — мой Гамлет!..» И называет мне «А зори здесь тихие...» До этого, кстати, в кино он никогда не снимался.

На Васкова пробовались многие актеры, даже военный актер Росточкого Вячеслав Тихонов. Прошел Андрюша...

Я после этого разговора бегом домой, достала сценарий и начала его читать. Боже, думаю, глупая! Как же можно было отложить такой великолепный сценарий, даже не прочитав его! Такие женщины! Но пока читала, все роли разобрали. Кроме Женя Комельковой и Риты Осяниной. На них, кстати, конкурс был огромный. Я звоню Росточкому: «Станислав Носифович! Пожалуйста, дайте мне попробоваться!» А он мне: «Кого ты хочешь играть?» Я хотела играть Риту. Мне очень нравился этот человек. Рита казалась мне близкой по натуре. И вдруг, только я ответила, как меня буквально пронзает мысль, что Женя — самая выигрышная, самая-самая роль в этом сценарии. И я, забывшись наглости, добавляю: «Или Женю!» «Ишь ты какая!» — до сих пор помню эту фразу Станислава Носифовича...

В студии я впервые встретила с Ирой Шевчук, которая позже была утверждена на роль Риты, пожалуй, самой волевой из васковских девушек. И нам на пробу был дан эпизод, простенький такой, когда во время ружейной канонады я рвусь на выручку своим, а Рита сдерживает Женю, мол, Васков сказал «Не высываться!», значит, так и нужно делать. Вот этот простенький эпизод, закончившийся фразой Риты: «Боец Комелькова! Это не казак-разбойник! Это война!» и моим послушанием, стал началом нашей работы над фильмом.

Знаешь, чем отличается хороший кинорежиссер от плохого, по крайней мере, в понимании актера? Плохой режиссер требует от актеров, пробующихся на роль, сыграть и порой ключевой эпизод.

Сыграла она великолепно! «Ма-а-ма!», и нет Лизы — героини Драпеко. Боже, настолько это было реально! Мы даже в темном зале оглядывались с зареванными лицами назад, мол, здесь ли Ленка... Это было страшно! Это была... война.

Молодость есть молодость! А потому, несмотря на тяжелые будни съемок, мы бегали по утрам к озеру, просто отдыхали. А уже через месяц стали замечать, что каждое утро у нашей гостиницы останавливается «неотложка». Это показалось нам странным — в гостинице ведь жили только те, кто имел отношение к съемкам, и каждый из них утром в полном здравии появлялся на съемочной площадке.

Но когда открылась тайна появления «скорой помощи» возле нашей гостиницы!..

«Скорая» приезжала к Ростоцкому! Он и фильм свой посвятил военной медсестре Анне Бекетовой, которая вынесла его раненого с поля боя. Спасла ему жизнь, но, увы, не смогла сохранить ногу. Лишь во время съемок «А зори здесь тихие...» я узнала, что Станислав Иосифович ходит на протезе от колена. Причем он походку себе эдакую вальяжную выработал, чтобы хромоты не было видно.

Режиссер, если он режиссер настоящий, испытывает те же трудности, что и актеры. В «Зорях» Ростоцкий был вездесущим. Он играл главную, невидимую роль. И обыкновенный протез так натирал ногу, что лишь новокаиновая блокада возвращала его каждый раз на съемочную площадку.

Я преклоняюсь перед мужеством Станислава Иосифовича! Благодаря ему мы почувствовали, что такое война... Я прочувствовала ее душой, сердцем, сознанием... Ненавижу фашизм! Любой нацизм! Это страшно!..

Во время гастрольных поездок мы не раз встречались с ветеранами войны, с теми, кто был на фронте, и с теми, кто потерял близких людей. Я смотрела им в глаза, всем телом ощущала тепло их сердец, но... Сознавала, что пережитое ими нам далеко для понимания!..

Я—просто женщина

...Да, это в самом деле так. Я очень люблю своих детей. У меня их двое. Ольге, я уже говорила, девятнадцать. Я хотела, чтобы она поступила в институт иностранных языков, готовила ее всячески, искала лучших педагогов. Но дочь решила по-своему, поступила в театральный. Слава Богу, учится она у прекрасного педагога Петра Наумовича Фоменко.

А вообще-то я мама строгая. Помню, однажды жила у нас в рамках международного обмена одна девочка из Финляндии, я ее Марусей звала. И однажды она не помыла за собой посуду. Ну, естественно, попало ей от меня! А потом как-то не по себе стало. Я младшего, Мишку, к себе зову и прошу его Марьяну успокоить. А он приходит и спокойно так говорит: «Мам, все нормально. Ты ведь Ольгу тоже за это ругаешь...»

Я не знаю, кем будут мои дети. Главное, чтобы они были счастливы!

Мои дети — мое счастье...

Люблю детей, свою работу. Не люблю в женщинах то же самое, что и в мужчинах.. Как Маркс, люблю в мужчине силу, а в женщине — слабость...

И еще... Нужно как можно чаще говорить друг другу приятные, добрые, светлые слова! Я тоже стеснялась. А однажды вдруг взяла и осмелела — одному известному актеру после его великолепной игры со мной сказала: «Спасибо!» Сказала, а сама думаю: «Вот зачем ляпнула? Что ему мое спасибо?» А он так посмотрел на меня, и таким счастьем его глаза светились!.. Говорите, говорите друг другу добрые слова!

А Казань мне понравилась. Красивый у вас город. И люди добрые...

Записал
Андрей КОБЯКОВ.